

16 ИЮЛЯ
1929 г.
ВТОРНИК
№ 160 (1672)

Цена № 5 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Вещерница Досква

АДРЕСА И ТЕЛЕФОНЫ
РЕДАКЦИИ: Б. Дмитровка, 22.
Тел. 4-42-33. Утром—3-35-30.
КОНТОРЫ: Кузнецкий пер. 6.
Тел. 3-52-78.
ОТДЕЛ ОБЪЯВЛЕНИИ: Тверская, 42.
Принимает с 9 ч. у. до 9 ч. в., в суб.
с 9 ч. до 9 ч. в., воскр. в пр. д.
с 11—4 ч. дня. Тел., справки в те-
лефоногр. (по отд. объявл.) 57-57 и
5-57-50. Разв. отд. объявл. 88-88.

КРИТИКА О ЧЕХОВЕ И ЧЕХОВ О КРИТИКЕ

Чехов дебютировал в 1880 году в юмористическом журнале «Стрекоза» (Москва).

В «Почтовом ящике» № 51 этого издания редакция спела ему «отходную»:

«Москва. Сретенка, г. А. Ч—ву. Не расцвет, увядаете. Очень жаль. Нельзя ведь писать без критического отношения к делу»...

Задача критики — анализ с оценкой. Высшее достижение ее — предвидение.

В этом отношении величайшим критиком Чехова оказался **Скабичевский**. Замечательное чутье дало ему возможность сразу проникнуть в будущее Чехова, и обозначить его с поразительной точностью.

Скабичевский возвестил, что Чехов умрет пьяным под забором...

Потом пришел академик **Бычков**.

Он уподобился некоему животному из басни Крылова и, «уставясь в землю лбом», изрек:

«Нельзя не пожалеть, что дарование автора употреблено на такие незначительные вещицы, которые более или менее носят следы случайности, в которых чувствуется, что он передает то, что попало ему на глаза, что остановило его внимание в рассказе того или другого лица... Язык живой и правильный, хотя иногда попадают неточные и неправильные выражения, как, например: «на траве висят тусклые недобрые слезы»... Тем не менее, принимая во внимание и т. д.

Михайловский провозгласил, что Чехов — фотографический аппарат, которому совершенно безразлично, снимает ли он облако или утопленника.

Андреевич нашел, что Чехов — героический пессимист.

Волжский со всей категоричностью назвал его пессимистическим идеалистом.

Успенский-Куликовский усмотрел в Чехове сатирика.

Альбов был против такого определения, считая, что для этого Чехов «слишком чуток к боли».

Мережковский уподобил Чехова за неверие «голосому босяку».

Булганов, наоборот, узрел в Чехове скрытую религиозность.

Измайлов — явную.

Шестов определил в Чехове «сверлящий скептицизм».

Ляцкий трактовал Чехова, как писателя вредного, ведущего чувства жизни к ущербу: «такой писатель не нужен или мало нужен для общества, его влияние поверхностно, скоропреходяще, а успех основан на неразборчивости читателей».

Гиппиус преклонялась перед Чеховым за искание смысла жизни и любовь к людям.

По утверждению **Ветринского** (Чепишина), «Чехов был убежденным позитивистом».

По мнению **Боцяновского**, «Чехов стоял к символистам гораздо ближе, чем многим могло казаться».

Для **Ното Novus'a** (**А. Р. Кугель**) «Чехов был истинным поэтом недоаревших, полузадушенных желаний».

Для **Перцова** — «изображением только русского интеллигента 90-х годов, порядочно растерявшего доставшуюся от предков культурность и со скептической лендой поглядывающего на собственное бытие».

Неведомский видел в Чехове «обывательски ограниченный кругозор».

Волынский подчеркивал, что у Чехова «ничтожные картинки повседневной жизни, отдельные моменты несложных душевных движений приобретают многозначительность, так как над ними простерт легкий покров вдохновенной мысли».

Иванову-Разумнику ясно, что «мещанство всегда было ненавистно Чехову, какие бы красивые формы оно не принимало».

Александрович не сомневается, что «Чеховым владел мещанский и пошленький идеал нищенского индивидуализма».

Розанов утверждал, что Чехов — глубоко национальный писатель.

Фидель, — что «ни один русский художник не затемнил нашего быта и нашего национального духа в такой степени, как Чехов»...

Вадох Чехова:

«Неужели на земном шаре так мало умных людей, что даже критики писать некому».